

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРАЛІГІ
ҒЫЛЫМ КОМИТЕТІ
Ш.Ш. УӘЛИХАНОВ АТЫНДАҒЫ ТАРИХ ЖӘНЕ ЭТНОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ

«EDU.E-HISTORY.KZ» ЭЛЕКТРОНДЫҚ ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

2023.10 (3)
шілде-қыркүйек

ISSN 2710-3994

ISSN 2710-3994 (online)

Құрылтайшысы және баспагері: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Ғылыми журнал Қазақстан Республикасы Инвестициялар және даму министрлігінің Байланыс, ақпараттандыру және ақпарат комитетінде 2014 ж. 29 қазанында тіркелген. Тіркеу нөмірі № 14602-ИА. Жылына 4 рет жарияланады (электронды нұсқада).

Журналда тарих ғылымының *келесі бағыттары* бойынша ғылыми жұмыстар жарияланады: тарих (дүниежүзі және Қазақстан тарихы), деректану және тарихнама, археология, этнология, антропология.

Жарияланым тілдері: қазақ, орыс, ағылшын.

Редакция мен баспаның мекен-жайы:

050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй

ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты 2022
© Авторлар ұжымы, 2023

БАС РЕДАКТОР

Қабилдинов Зиябек Ермұқанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының директоры. (Қазақстан)

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Аяған Бүркітбай Ғелманұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҒЖБМ ҒК Мемлекет тарихы институты директорының орынбасары. (Қазақстан)

Әлімбай Нұрсан — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Әбіл Еркін Аманжолұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан)

Вернер Кунтһиа (Werner, Cynthia) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Техас университеті. (АҚШ).

Голден Кэтти Стромайл (Kathie Stromile Golden) — PhD, Миссисипи өңірлік мемлекеттік университеті (Mississippi Valley State University). (АҚШ)

Кәрібаев Берекет Бақытжанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, «Қазақстан тарихы» кафедрасының меңгерушісі. (Қазақстан)

Қожамжарова Дария Пернешқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университетінің ректоры. (Қазақстан)

Кожирова Светлана Басиевна — саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Фудан Университетінің Қытай және Орталық Азияны зерттеу орталығының мен «Астана» ХҒК бірлескен директоры. (Қазақстан)

Дайнер Александр (Diener Alexander) — тарих ғылымдарының докторы, профессор. Канзас университеті. (АҚШ)

Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті. (Қазақстан)

Көмеков Болат Ешмұхамедұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті Халықаралық қыпшақтану институтының директоры, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Матыжанов Кенжехан Ісләмжанұлы — филология ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА корр.-мүшесі, М.О. Әуезов атындағы әдебиет және өнер институтының директоры. (Қазақстан)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, Оксфорд университетінің профессоры. (Ұлыбритания)

Муминов Ашірбек Құрбанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ислам тарихы, өнер және мәдениет ғылыми-зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері IRCICA – İslam Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Түркия)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс педагогикалық университеті. (Литва)

Самашев Зайнолла Самашұлы — археолог, тарих ғылымдарының докторы, профессор, Герман археология институтының корр.-мүшесі. ҚР ҒЖБМ ҒК Ә. Марғұлан атындағы Археология институты. (Қазақстан)

Смағұлов Оразақ Смағұлұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Қазақстан)

Сыдықов Ерлан Бәтташұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің ректоры. (Қазақстан)

Таймағамбетов Жәкен Қожахметұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, ҚР Ұлттық музейі. (Қазақстан)

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР

Қаипбаева Айнагүл Толғанбайқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ҒЫЛЫМИ РЕДАКТОРЛАР

Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы — PhD, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Астана қаласындағы филиалының директоры. (Қазақстан)

Қапаева Айжан Тоқанқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Бас ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

Кубеев Рустем Жаулыбайұлы — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ғылыми қызметкері. (Қазақстан)

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Копеева Сания Жуматайқызы — Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының қызметкері. (Қазақстан).

ISSN 2710-3994 (online)

Учредитель и издатель: РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан

Научный журнал зарегистрирован в Комитете связи, информатизации и информации Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан, свидетельство о регистрации: № 14602-ИА от 29.10.2014 г. Публикуется 4 раза в год (в электронном формате).

В журнале публикуются научные работы *по следующим направлениям* исторической науки: история (всемирная история и история Казахстана), источниковедение и историография, археология, этнология, антропология.

Языки публикации: казахский, русский, английский.

Адрес редакции и издательства:

050010 Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28

РГП на ПХВ Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК

Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Сайт журнала: <https://edu.e-history.kz>

© Институт истории и этнологии
им. Ч.Ч. Валиханова, 2023
© Коллектив авторов, 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК. (Казахстан)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алимбай Нурсан — кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Абиль Еркин Аманжолович — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории государства КН МНВО РК. (Казахстан)

Аяган Буркитбай Гелманович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории государства КН МНВО РК. (Казахстан)

Вернер Синтия (Werner, Cynthia) — доктор исторических наук, профессор. Техасский университет. (США)

Голден Кэти Стромайл (Kathie Stromile Golden) — PhD, Государственный университет долины Миссисипи (Mississippi Valley State University). (США)

Дайнер Александр (Diener Alexander) — доктор исторических наук, профессор. Канзасский университет. (США)

Исмагулов Оразак Исмагулович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Карибаев Берекет Бахытжанович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий кафедрой истории Казахстана, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. (Казахстан)

Кожамжарова Дария Пернешовна — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова. (Казахстан)

Кожирова Светлана Басиевна — доктор политических наук, профессор, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований. (Казахстан)

Кокебаева Гульжаухар Какеновна — доктор исторических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая. (Казахстан)

Кумеков Болат Ешмухамбетович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, директор Международного института кипчаковедения Казахского национального университета имени аль-Фараби, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Матыжанов Кенжехан Слямжанович — доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. НАН РК, директор Института литературы и искусства им. М. Ауэзова. (Казахстан)

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета. (Великобритания)

Муминов Аширбек Курбанович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры. IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Турция)

Римантас Желвис (Želvys Rimantas) — доктор педагогических наук, профессор, Вильнюсский педагогический университет. (Литва)

Самашев Зайнолла Самашевич — археолог, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. Германского археологического института. Институт археологии им. А. Маргулана КН МНВО РК. (Казахстан)

Сыдыков Ерлан Батташевич — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. (Казахстан)

Таймагамбетов Жакен Кожаметович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, Национальный музей РК. (Казахстан)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Каипбаева Айнагуль Толганбаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Козыбаева Махаббат Маликовна — PhD, директор филиала в г. Астана Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Капаева Айжан Токановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

Кубеев Рустем Джаулыбайулы — научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Копеева Сания Жуматаевна — сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. (Казахстан)

ISSN 2710-3994 (online)

Founder and publisher: RSE on REM “Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology” of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan

The scientific journal is registered at the Committee for Communications, Informatization and Information of the Ministry for Investments and Development of the Republic of Kazakhstan, registration certificate: No. 14602-ИА dated October 29, 2014. The journal is published 4 times a year (in electronic format).

The journal publishes scientific works in the *following areas* of historical science: history (world history and history of Kazakhstan), source studies and historiography, archeology, ethnology, anthropology.

Publication languages: Kazakh, Russian, English.

Editorial and publisher address:

28 Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan

RSE on REM Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology CS MSHE of the Republic of Kazakhstan

Tel.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

E-mail: edu.history@bk.ru

Journal website: <https://edu.e-history.kz>

© Ch.Ch. Valikhanov Institute
of History and Ethnology, 2023

© Group of authors, 2023

EDITOR-IN-CHIEF

Kabuldinov Ziabek Ermukhanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology SC MSHE RK. (Kazakhstan)

EDITORIAL BOARD

Alimbay Nursan — Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Abil Yerkin Amanzholovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK. (Kazakhstan)

Ayagan Burkitbai Gelmanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History of the State SCMSHE RK. (Kazakhstan)

Werner, Cynthia — Doctor of Historical Sciences, Professor, Texas university. (USA)

Golden Kathie Stromile — PhD, Mississippi Valley State University. (USA)

Ismagulov Orazak Ismagulovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University. (Kazakhstan)

Karibayev Bereket Bakhytzhonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Department of History of Kazakhstan, Al-Farabi Kazakh National University. (Kazakhstan) **Kozhamzharova Daria Perneshovna** — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the Republic of Kazakhstan, rector of the M. Auezov South Kazakhstan University. (Kazakhstan)

Kozhirova Svetlana Bassieвна — Doctor of Political Science, Professor, Co-Director of the Center for the Study of China and Central Asia of Fudan University and the International Scientific Complex of the National Company "Astana", Head of the Center for Chinese and Asian Studies. (Kazakhstan)

Diener Alexander — Doctor of Political Science, Professor, University of Kansas. (USA)

Kokebayeva Gulzhaukhar Kakenovna — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Abai Kazakh National Pedagogical University. (Kazakhstan)

Kumekov Bolat Eshmukhambetovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Director of the International Institute of Kipchak Studies of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University. (Kazakhstan)

Matyzhanov Kenzhekhan Slyamzhanovich — Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the NAS RK, Director of M. Auezov Institute of Literature and Art. (Kazakhstan)

Morrison Alexander — PhD, Professor, University of Oxford. (UK)

Muminov Ashirbek Kurbanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Research Center for Islamic History, Art and Culture. IRCICA (İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi). (Turkey)

Rimantas Želvys — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vilnius Pedagogical University. (Lithuania)

Samashev Zainolla Samashevich — archaeologist, Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of German Archaeological Institute. A. Marghulan Institute of Archeology SC MSHE RK. (Kazakhstan)

Sydykov Erlan Battashevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University. (Kazakhstan)

Taimagambetov Zhaken Kozhakhmetovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, National Museum of the Republic of Kazakhstan. (Kazakhstan)

EXECUTIVE EDITOR

Kaipbayeva Ainagul Tolganbayevna — Candidate of Historical Sciences, leading researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

ACADEMIC EDITOR

Kozybayeva Makhabbat Malikovna — PhD, Director of Astana branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Kapaeva Aizhan Tokanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Kubeyev Rustem Dzhaulbayuly — researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

TECHNICAL SECRETARY

Kopeyeva Saniya Zhumataevna — researcher at Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. (Kazakhstan)

Published in the Republic of Kazakhstan
 Electronic scientific journal “edu.e-history.kz”
 Has been issued as a journal since 2014
 ISSN 2710-3994.
 Vol. 10. Is. 3, pp. 519–531, 2023
 Journal homepage: <https://edu.e-history.kz>

FTAXP / МРПТИ / IRSTI 03.20.
https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_35_3_519-531

THE FAMINE OF 1921–1922 IN KAZAKHSTAN: EXPANDING THE RESEARCH PERSPECTIVE

Kapayeva Aizhan Tokanovna^{1*}, Asanova Saltanat Amirgalievna²

¹Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
 (28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
 Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher

*Corresponding author

 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapaeva.59@mail.ru

²Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
 (28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
 Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher

 <https://orcid.org/0000-0002-7077-2298>. E-mail: saltasanova@gmail.com

© Ch.Ch. Valikhanov IHE, 2023

© Kapayeva A.T., Asanova S.A., 2023

Abstract. *Introduction.* This article examines some aspects of the famine of 1921–1922. In Kazakhstan. In the course of studying this problem, the performers came to the conclusion that it was necessary to expand the chronological framework of the famine. Based on archival documents, the authors show that the authorities neglected the specific historical, socio-economic and national way of life of the indigenous people during the "modernization" of the region. *Goals and objectives.* The goal is to change the interpretation of the main events in the history of Kazakhstan in the Soviet period. As you know, the main content of the current stage of the study of the Soviet period consists in a certain expansion of the range of problems under consideration in all the inconsistency and complexity of the real historical paradigm of that time. *Results.* The total unity of the ideological concept of history, characteristic of the Soviet era, led to the fact that many aspects of history were hushed up or even banned, and some were interpreted from points of view that were completely opposite to reality. There are enough such phenomena and events in Soviet history, and the history of the famine of 1921–1922 certainly belongs to this series. Here, several aspects can be distinguished, which, of course, require a change in the research perspective in relation to certain aspects of this problem. These include a more precise determination of the chronological framework and extent of the spread of famine throughout the territory of the Kyrgyz Republic, and the determination of the specifics of the food policy pursued by the Soviet government. Of particular interest is the question of how the surplus appropriation and tax in kind affected the state of the nomadic economy of the Kazakh aul. *Conclusion.* The authors came to the conclusion that the famine in Kazakhstan did not end in 1922, it continued in 1924 in Akmolinsk, as evidenced by archival documents. The distribution area of famine is not limited to the western regions, as previously thought, it covered the Central, partly Eastern and Southern territories.

Keywords: Chronological framework, food requisition and tax in kind, famine, state policy, distribution area, starving provinces, confiscation, livestock farms, meat tax

For citation: Kapayeva A.T., Asanova S.A. The famine of 1921–1922 in Kazakhstan: expanding the research perspective // Electronic scientific journal "edu.e-history.kz". 2023. Vol. 10. No. 3. Pp. 519–531. (In Russ.). DOI: 10.51943/2710-3994_2023_10_3_519-531

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1921-1922 ЖЫЛДАРДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ: ЗЕРТТЕУ НЫСАНЫН КЕҢЕЙТУ

Капаева Айжан Токановна^{1*}, Асанова Салтанат Амиргалиевна²

¹Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, профессор

*Автор-корреспондент

 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapayeva.59@mail.ru

²Ш.Ш. Уәлиханов атындағы тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты

 <https://orcid.org/0000-0002-7077-2298>. E-mail: saltasanova@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов ТЭИ, 2023

© Капаева А.Т., Асанова С.А., 2023

Аңдатпа. *Kipicne.* Бұл мақалада Қазақстандағы 1921–1922 жылдардағы ашаршылықтың кейбір аспектілері қарастырылады. Осы мәселені зерттеу барысында орындаушылар аштықтың хронологиялық шеңберін кеңейту қажеттілігі туралы қорытындыға келді. Архивтік құжаттарға сүйене отырып, авторлар биліктің аймақты «модернизациялау» кезінде жергілікті халықтың нақты тарихи, әлеуметтік-экономикалық және ұлттық-тұрмыстық өмір салтының ерекшелігін елемегенін көрсетеді. Зерттеудің мақсаты мен міндеттері. Мақсаты – Кеңестік кезеңдегі Қазақстан тарихының негізгі оқиғаларын түсіндіруді өзгерту. Қазіргі таңда кеңестік кезеңді зерттеудің негізгі мазмұны сол кездегі нақты тарихи парадигманың барлық қарама-қайшылықтары мен күрделілігінде қарастырылатын мәселелер спектрінің белгілі бір кеңеюінен тұратындығы белгілі. Нәтижелері: Тарих ғылымында тоталитарлық идеологияның тұжырымдамасының жалпы бірлігі Кеңес дәуіріне тән тарихтың көптеген аспектілері айтылмады немесе тіпті тыйым салынған, ал кей тұстары мүлдем қарама-қайшы негізді түсіндірілді. Кеңес тарихындағы мұндай құбылыстар мен оқиғалар жеткілікті және бұл қатарға 1921–1922 жылдардағы ашаршылық тарихы жатады. Мұнда осы мәселенің жекелеген аспектілеріне қатысты зерттеу нысанын кеңейтуді қажет ететін бірнеше бағыттарды бөліп көрсетуге болады. Олардың қатарына Қырғыз Республикасының аумағы бойынша аштықтың таралуының хронологиялық шеңбері мен ауқымын неғұрлым дәл анықтау, Кеңес өкіметі жүргізіп отырған азық-түлік саясатының ерекшелігін айқындау жатады. Артық өнімді мемлекетке өткізу және азық-түлік салығының қазақ ауылының көшпелі шаруашылығының жай-күйіне қалай әсер еткені белгілі бір қызығушылық тудырады. Қорытынды: Архив құжаттарына сүйене отырып авторлар Қазақстандағы ашаршылық 1922 жылы аяқталмай, 1924 жылы Ақмолада да жалғасқан және аштықтың таралу аймағы тек Батыс аймақтармен ғана шектелмей, сонымен қатар Орталық, ішінара Шығыс және Оңтүстік аумақтарды да қамтыды деген қорытындыға келеді.

Түйін сөздер: Хронологиялық шеңбер, артық өнім және азық-түлік салығы, аштық, мемлекеттік саясат, таралу аймағы, аштыққа ұшыраған губерниялар, тәркілеу, мал шаруашылығы, ет салығы

Дәйексөз үшін: Капаева А.Т., Асанова С.А. Қазақстандағы 1921–1922 жылдардағы ашаршылық: зерттеу нысанын кеңейту // «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы. 2023. Т. 10. № 3. 519–531 бб. (Орыс.). DOI: 10.51943/2710-3994_2023_10_3_519-531

ГОЛОД 1921–1923 ГОДОВ В КАЗАХСТАНЕ: РАСШИРЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО РАКУРСА

Капаева Айжан Токановна^{1*}, Асанова Салтанат Амиргалиевна²

¹Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Доктор исторических наук, профессор

*Автор-корреспондент

 <https://orcid.org/0000-0002-1198-0185>. E-mail: kapaeva.59@mail.ru

²Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук

 <https://orcid.org/0000-0002-7077-2298>. E-mail: saltasanova@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2023

© Капаева А.Т., Асанова С.А., 2023

Аннотация. *Введение.* Данная статья рассматривает некоторые аспекты голода 1921–1922 гг. в Казахстане. В ходе исследования данной проблемы исполнители пришли к выводу о необходимости расширения хронологических рамок голода. Опираясь на архивные документы, авторы показывают, что власть пренебрегла своеобразием конкретно-исторического, социально-экономического и национально-бытового уклада жизни коренного народа при «модернизации» края. *Цель и задачи исследования.* Цель – уточнение трактовки основных событий истории Казахстана советского периода начала XX в. Как известно, основное содержание современного этапа изучения советского периода, состоит в определенном расширении спектра рассматриваемых проблем во всей противоречивости и сложности реальной исторической парадигмы того времени. *Результаты.* Тотальное единство идеологической концепции истории характерное для советского времени привело к тому, что многие аспекты истории замалчивались или даже были запрещены, а некоторые интерпретировались совершенно с противоположной действительности точками зрения. Таких явлений и событий в советской истории достаточно, и к этому ряду, безусловно, относится и история голода 1921–1922 годов. Здесь можно выделить несколько аспектов, которые, конечно же, требуют изменения исследовательского ракурса в отношении отдельных положений данной проблемы. К их числу относятся более точное определение хронологических рамок и масштабов распространения голода по территории Киргизской республики, определение специфики проводимой советской властью продовольственной политики. Определенный интерес вызывает вопрос, как продрозверстка и продналог отразились на состоянии кочевого хозяйства казахского аула. *Заключение.* Авторы пришли к выводу, что голод в Казахстане не закончился в 1922 г., он продолжался и в 1924 г. в Акмолинске, о чем свидетельствуют архивные документы. Ареал распространения голода не ограничивается только западными областями, как считалось ранее, он охватил Центральные, Северные и частично Южные территории.

Ключевые слова: Хронологические рамки, продрозверстка и продналог, голод, государственная политика, ареал распространения, голодающие губернии, конфискация, скотоводческие хозяйства, мясной налог

Для цитирования: Капаева А.Т., Асанова С.А. Голод 1921–1923 годов в Казахстане: расширение исследовательского ракурса // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2023. Т. 10. № 3. С. 519–531. (На рус.). DOI: 10.51943/2710-3994_2023_10_3_519-531

Введение

Голод 1921–1922 гг. был известен широкой общественности, в том числе и международной. Зарубежные организации оказывали помощь в ликвидации голода. Однако объектом научного исследования он не был долгие годы. Начали исследовать причины и последствия голода лишь относительно недавно. Внимание ученых-историков Казахстана занимал голод 30-х годов, который унес жизни почти 2 млн. человек в Казахстане и о котором стало известно лишь в годы независимости. Историография данной проблемы имеет четко обозначенный своеобразный водораздел между историографией советского и постсоветского периодов. История голода в постсоветской отечественной историографии находится на стадии становления и развития. Изучение истории голода 20-х годов нельзя назвать самой популярной темой в советской историографии. Она освещалась в русле общего описания процессов социалистического строительства и причислялась к общей сумме трудностей, с которыми приходилось бороться молодой советской республике. Голод в большей степени рассматривался и причислялся к разряду стихийного бедствия. Для постсоветской историографии характерно признание, что голод – это следствие проводимой государственной политики. Социально-политические причины голода не освещались и не акцентировались.

Голод 20-х годов, так называемый первый казахстанский голод, стал предметом специального внимания казахстанских специалистов относительно недавно. Здесь прежде всего необходимо отметить работу Мусаева А.Б. «Голод в Казахстане 1921–1922 гг. и ликвидация его последствий», которую автор представил как учебное пособие; монография Смагуловой С. Ашаршылык қасреті (Мусаев, 2006. Смагулова, 2019). В статьях Козыбаевой М.М. (Козыбаева, 2021), Асановой С.А. (Асанова, 2022), Капаевой А.Т. (Капаева, 2021), Кудайбергеновой А.И. (Кудайбергенова и др., 2022), Гривенной Л.А. (Гривенная, 2022) исследованы разные аспекты голода 1921–1922 гг.

Большим вкладом является издание сборника документов «Қазақстандағы ашаршылық. Голод в Казахстане» основной массив документов сборника представленных в нем основываются на материалах ЦГА РК (Голод в Казахстане ..., 2021). Целый ряд статей отечественных историков также затрагивают различные аспекты голода 20-х годов. Однако, в целом данная проблематика находится на стадии разработки увеличения масштабов исследовательского дискурса.

Материалы и методы исследования

Методологические подходы к изучению данной проблемы основываются на использовании традиционных для исторической науки методов системного анализа, историзма, диалектического единства и противоречивости исторических явлений и событий. Вместе с тем применялись и новые для современного гуманитарного знания способы методологического анализа, такие как междисциплинарный, состоящий в применении основных положений социальной антропологии и феноменологии, герменевтики.

Основными источниками стали документы архивов Акмолинской, Кустанайской, Актюбинской, Семипалатинской областей, которые помимо отчетной документации по выполнению распоряжений центра раскрывают сложность их реализации на местах. Особое внимание уделялось документам частного характера – телеграммам, письмам, докладным запискам, раскрывающим реальный механизм взаимоотношений новой власти и казахского народа в трагических условиях голода. Помимо казахстанских архивов, работа проводилась и в Российских архивах, в данной статье приводятся документы из Российского Государственного архива новейшей истории, касающиеся непосредственно голода 1921–1922 гг.

Результаты

Локализация голода первых лет советской власти территорией Западного Казахстана была характерна для советской историографии. Во всей обширной зарубежной и местной советской периодике голод 20-х годов именовался голодом в Поволжье. Большая часть Казахстана, как ареал широкого распространения голода не рассматривался, поскольку считалось, что в основном затронуты непосредственно граничившие с Поволжьем районы Западного Казахстана. Однако новое прочтение истории голода 1921–1922 годов в Казахстане связано и с тем обстоятельством, что последние изыскания

казахстанских историков, изучающих эти вопросы, указывают, что голодом был охвачен не только западный регион, но и центральный и северный. В ходе работы над проектом исследовательской группой были выявлены документы местных казахстанских архивов, которые свидетельствуют о более широком распространении голода по территории Казахстана.

В частности, отчеты представителей советской власти ясно свидетельствуют, что голод уже к осени 1921 года охватил практически большую часть территории Киргизской (Казахской) АССР. Об этом говорится в частности в докладе Киргизского Народного Комиссариата социального обеспечения «Помощь голодающим в КССР» за октябрь 1921, где отмечалось: «по имеющимся сведениям общее число голодающих по Республике выражается в сумме 1.569.000 человек, которые по губерниям распределяются следующим образом: 1. Оренбургская – 338.000 чел; 2. Уральской 415.000; 3. Букеевской – 190.000; 4. Актюбинской – 325.000; 5. Кустанайской 301.000» (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 358. Л. 64). Отдельный аспект данной проблемы это южные районы Казахстана, которые к этому времени входили в состав Турккеспублики. Здесь так же проживало многочисленное казахское население.

Обширность региона распространения голода по территории прослеживается по докладным запискам и телеграммам местных органов власти. Так, в телеграмме за подписью С. Мендешева от 3 октября 1921 года указывалось: «Пять губерний Кирреспублики поражены голодом. Нами все время принималось меры для удержания населения в хозяйствах, в целях предохранения края от опустения. Мы своих ресурсов не имеем. Хлеб из Сибрайонов КССР целиком отправляется Центру, и на пять губерний в течение августа получено шесть вагонов хлеба. Голодающие умирают, дети гибнут, снабжение рабочих такое, что желдорозники Актюбинска, угрожают забастовкой. Обращаемся к вам с просьбой обратить внимание, крайне категорическое положение киргиз, политическую важность помощи (РГАНИ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 88. Л. 41) Бороться с таким трагическим явлением республике приходилось, рассчитывая, только на свои силы и ресурсы. Поскольку надеяться на помощь государства не представлялось возможным в силу его слабости и общей катастрофической ситуации, которая сложилась к 1921 году по всей стране. О сложившейся ситуации Москву информировали сами советские работники. Так 5 ноября 1921 года во всероссийскую центральную комиссию по оказанию помощи голодающим при ВЦИК была отправлена Докладная записка в которой прямо указывалось, что: «Организация всякого рода помощи, как государственной, так и отдельных организаций исключительно затрудняется для Киргизской республики отдаленностью ее от общегосударственных центров и затруднительностью транспорта внутри самой Киргизии. Таким образом, в силу целого ряда условий, Киргизия была поставлена в необходимость изживать бедствие своими собственными средствами. Между тем именно для Киргизии это исключительно трудная задача. Там, где хозяйственная жизнь была развита, где население более крупно, оно хотя и с трудом, но находит выход из создавшегося положения. Чем не культурное население, чем более отсталая его экономическая жизнь, тем меньшей подвижностью и приспособленностью оно отличается и тем вернее оно обречено на вымирание» (РГАНИ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 88. Л. 55–56).

В создавшихся условиях началась самостоятельная работа по организации помощи голодающему населению. 15 июля 1921 года КирЦИК обнародовал постановление о создании Комитета помощи голодающему населению. Отдельной проблемой является факт получения, статуса голодающего региона. Этот вопрос носил как экономический, так и политический характер, поскольку признание того или иного региона голодающим означало снижение норм поставок по продрозверстке или даже освобождение от них. Очевидно, что такую катастрофу, как голод скрыть было невозможно, но корректировка масштаба бедствия, конечно, имела место. Местные органы советской власти предпринимали огромные усилия доказывая Москве наличие голода в тех или иных областях и уездах Киргизской республики. Признание отдельных областей и уездов голодающими, несколько облегчало положение сельского населения. Примером может служить переписка Кирревкома, который на протяжении нескольких месяцев вел интенсивную переписку с Совнаркомом о необходимости признания всех голодающих областей таковыми: «Катастрофа, постигшая Кирреспублику в текущем году наравне с другими областями Р.С.Ф.С.Р., подготовленная еще прошлогодним джутом /массовым падежом скота/, удваивается для Киргизии тем, что пять губерний КССР, а именно: Оренбургская, Актюбинская, Кустанайская, Уральская, Букеевская и Адаевский уезд были признаны Центром голодающими слишком

поздно и в то время, когда другими голодающими областями РСФСР при помощи Центра были приняты все меры для борьбы с голодом, в КССР для борьбы с ним ничего не предпринималось» (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 211. Л. 69). Однако на деле эта переписка приобретала характер бюрократических проволочек, что в некоторой степени объяснимо. Получение статуса голодающего региона, освобождало от обязательных продовольственных поставок и давало возможность рассчитывать на помощь как со стороны власти, так и на зарубежную.

Уже тогда в двадцатых годах казахстанские республиканские власти обращали внимание центра на особую уязвимость скотоводческих хозяйств в условиях голода. В частности, они указывали на необходимость принять во внимание, что земледельческое население при своевременной семенной помощи может довольно быстро восстановить свое хозяйство, а скотоводческому населению даже при самой действенной помощи нужны годы для возрождения своего хозяйства. Одним из возможных вариантов спасения населения от постигшего их бедствия было переселение в более благополучные районы: как например, крестьяне Поволжья переселяясь в другие области где они встречали привычные им формы хозяйствования, киргизам же переселяться было некуда в силу их исключительно скотоводческого ведения хозяйства и отсутствия путей сообщения. Казахское население оказалось в более тяжелом положении, в сравнении с другими регионами РСФСР, охваченных неурожаем. Из всего перечисленного видно, что центр не учитывал особенности КССР, связанные с историческими, социально-экономическими условиями развития края, а также не считался с национально-бытовым укладом жизни коренного населения. К тому же из документов следует, что продовольственная и финансовая помощь КССР урезывалась, помощь иностранных организаций откладывалась на неопределенное время. «В области реальной помощи: одна Самарская или Саратовская губерния получают всего больше, чем пять губерний и один уезд голодной Киргизии. Вагоны для продвижения грузов не получают, получение грузов запаздывает и ясно поэтому запаздывает и реальная помощь» (РГАНИ. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 88. Л. 57–58).

Благодаря общим усилиям декретом ВЦИК летом 1921 года в число голодающих регионов были включены Уральская, Оренбургская, Актюбинская, Букеевская, Кустанайская губернии. Таким образом, из семи губерний Казахстана голодом были охвачены пять.

Политическая зависимость от Центра осложняла работу местных органов не только отсутствием помощи государства, но и помощи со стороны иностранных организаций, которые к этому времени уже начали свою активную благотворительную помощь по спасению голодающего населения советской республики. Кирреспублика не только не получала помощи, но и не могла по своему усмотрению использовать имеющиеся ресурсы для спасения голодающего населения республики. Хотя голод охватил большинство областей Киргизской (Казахской) АССР, существовали отдельные регионы, где ситуация с продуктовым обеспечением была относительно стабильной. К такому региону относилась, к примеру, Семипалатинская губерния. За счет поставок продуктов из таких районов всегда можно было решить хотя бы частично проблему в пострадавших регионах. Однако, согласно документам, все поставки мяса, молока, хлеба из Семипалатинской губернии были забронированы центром, то есть Москвой, и правительство Киргизской АССР не имело права распоряжаться ими по своему усмотрению. Так, в справке Комиссии Помгол направленной в Акмогубчека о работе комиссии специально отмечалось, что причиной неудовлетворительной работы является то обстоятельство, что «комиссия, учитывая такое бедствие возбудило ходатайство перед ЦК Помгол о разрешении расходовать пожертвования на местах – на что получен ответ, что расходовать продукты нельзя и все они подлежат отправке в г. Оренбург. Получено разрешение из Москвы, подтвержденное телеграммой из Оренбурга, что допускается расходовать на местах 10 % пожертвований. Этих средств безусловно далеко недостаточно, чтобы зачислить на довольствие голодающих, приехавших из пострадавших губерний, не говоря уже о коренном населении, число голодающих среди которых увеличивалось с каждым днем. По имеющимся в Губкомиссии сведениям в данное время число голодающих по губернии достигает 417500 человек» (СКГА. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 2. Л. 11).

В целом можно констатировать, о более широком ареале распространения голода 1921–1922 годов в Казахстане и не ограничиваться только западными районами. По сути, голод начала 20-х годов охватил почти весь Казахстан, где голодом были охвачены пять губерний из семи – Оренбургская, Актюбинская, Уральская, Кустанайская, Букеевская – и Адаевский уезд.

Однако реальную картину достаточно трудно составить даже сегодня, поскольку большинство документов советских органов признавали трудность получения достоверной информации. Главная причина отдаленность и бездорожье большинства районов Казахстана от политических и экономических центров. В условиях бездорожья и плохой работы любых средств связи получение достоверной информации не представлялось возможным. Положение голодающего населения осложнилось переселением на территорию Казахстана и беженцев, из соседних российских районов – Челябинской, Самарской губерний и других. Местным органам власти приходилось работать в сложнейшей обстановке, без надежды реальной помощи и улучшения положения населения в ближайшем будущем. Они фактически не имели в своем распоряжении ресурсов, чтобы влиять на успешность посевной кампании и гарантировать сохранение посевного материала в условиях тотального голода.

Советские исследователи, выполняя социальный заказ государства, не всегда могли создать объективную картину исторических событий. Политическое и идеологическое давление власти стало причиной представления достаточно идеализированной картины, лишенной противоречивых и негативных эпизодов реальной истории. Именно в советское время были утверждены современные хронологические рамки голода, а именно 1921–1922 годы. В современной казахстанской историографии также повсеместно утвердились даты 1921 год это начало и 1922, как конец голода. По нашему мнению, за один год сложно справиться с такой катастрофой. Голодало 35 миллионов человек на территории 30 губерний.

Скудный урожай 1920 года не позволил крестьянству выполнить все реквизиционные поставки по продразверстке. Однако, несмотря на этот очевидный факт, советской властью в 1920 году было реквизировано 10 миллионов пудов зерна, что составляло до 9/10 урожая. Советская власть изымала даже то зерно, которое было необходимо крестьянам для собственного пропитания и посевов (Зубов, 2017: 84).

Уже в январе – феврале 1921 года, то есть задолго до засухи 1921 года, стало ясно, что крестьяне проели семенное зерно.

«Голод прошлого года заставил значительное количество крестьян употребить семенную ссуду на продовольствие, так например по Оренбургскому и Каширинскому уездам согласно данных Губродкома на 29.944 дес. облагаемой площади с налогом в количестве 109.801. п. 13¹/₂ фун. семссуда съедена между тем как в контрольную цифру выданная семссуда вошла целиком. При чем необходимо также отметить совершенно произвольную надбавку Кирнаркомпрода в размере 10% на скрытые якобы семенные запасы крестьян. Однако в процессе практической работы установлена полная неосновательность подобного предположения, ибо фактически голодные крестьяне никаких запасов не имели» (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 362. Л. 2).

По этой же причине засев яровых проводился очень скупо. Страшная весенняя засуха привела к тому, что озимые полностью выгорели. Население уже тогда начало питаться суррогатами, «приезжающие из волостей уполномоченные заявляют, что положение в деревнях ужасное, за недостатком хлеба население вынуждено употреблять смесь 30 фунтов торфа на 10 фунтов муки, население большею частью питается мясом от чего многие лишились последнего скота» (СКГА. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 2. Л. 11).

Понимая, что крестьяне больше просто не в состоянии выполнить задания продразверстки и ощущая неизбежность надвигающегося голода в марте 1921 года Совнарком принял декрет о свободном обмене, покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов в тех губерниях, которые завершили продразверстку. В апреле вместо произвольного изъятия излишков на 1921–1922 годы вводился устойчивый размер натурального налога, зависящий от площади пахотной земли. Однако размеры налога были такими, что ограбленная и уже умирающая от голода деревня не в состоянии была его платить. Урожай 1921 года составил половину урожая военного времени 1915–1916 годов. Сбор зерна сократился с 4,9 центнера на душу населения в 1915 году до 2,4 центнера в 1921 г. Декрет о свободном обмене продуктов в тех условиях опять оказался жестокой карательной мерой, голодная катастрофа уже наступила. Это было ясно и крестьянскому населению, и местной власти.

По сути, гуманитарная катастрофа в Казахстане начала двадцатых годов стала первой в ряду последующих гуманитарных катаклизмов, выпавших на долю казахского народа в ходе советской модернизации. Первые признаки надвигающейся катастрофы появились уже к весне 1920 года.

В документах местных архивов Кустанайской и Акмолинской областей указываются и факты сокращения посевных площадей, нехватки семенного зерна, злоупотреблений продотрядов.

Таким образом, на территории Кирреспублики голод начался уже в ходе гражданской войны. После окончания войны положение сельского населения еще больше ухудшилось. Продразверстка продолжала разорять аул и деревню. Однако в Москве признавать этот факт не торопились. Поэтому 1921 год, как год начала голода является датой не отражающей реальную картину. Голод начался раньше, в 1920 или даже 1919 году. Декрет СНК «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями» от 11 января 1919 г., дополненный в течение последующих двух лет ещё двумя десятками законов по другим видам изымаемых у крестьян продуктов и сырья, привёл положение с продовольственным обеспечением населения до крайнего обострения.

Однако, советская власть не торопилась признать это трагическое обстоятельство. Подобное поведение советского руководства объяснялось тем, что после окончания гражданской войны крестьяне, недовольные безжалостной продовольственной политикой, начали сопротивление советской власти. Крестьянскими восстаниями были охвачены центральные районы Советской России. Самым крупным из них стало известное Тамбовское восстание на подавление которого были задействованы силы регулярной Красной Армии. Аналогичные явления наблюдались и в Казахстане. В этих условиях голод использовался, как средство политического давления и умирения сельского населения аулов и деревень.

1922 год официально был объявлен годом отступления голода – считалось, что он был урожайным. Об этом торжественно заявляли большинство ответственных функционеров советского аппарата. К примеру, в беседе с журналистом Роста о продовольственных перспективах народный комиссар Продовольствия РСФСР товарищ Брюханов указывал: «Советская власть напрягла все силы в борьбе за спасение жизни голодающих и за восстановление разрушенных хозяйств. Эта последняя задача не кончена и не могла быть кончена выполнением в течение одного года, несмотря на то, что в голодные районы были брошены десятки миллионов пудов семенного зерна. Но хорошее начало было положено, а хорошее начало – половина дела. Ныне – для второй половины дела – на помощь советской власти приходит товарищ урожай (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 51. Д. 8. Л. 2).

Данное интервью носило явно заказной характер, выражающий официальную точку зрения советского правительства, которое даже голод рассматривало, как происки враждебных сил, использующих гуманитарную катастрофу в своих политических интересах. В данном случае – свержения советской власти. Однако, даже здесь прослеживается мысль, что 1922 год объявлен годом окончания голода в стране не на основании практической целесообразности, а по политическим мотивам. Поскольку с таким масштабным явлением как голод, поразивший по признанию самого наркома большую часть территории Советской республики справиться в течении одного года было практически невозможно. В принятии этого решения четко прослеживается политическая подоплека. Во-первых, надо было доказать, что новая власть может сама разобраться со своими проблемами. Масштабы голода хотели уменьшить и показать мировой общественности, что с этим ужасным явлением советской действительности уже покончено. Несмотря на эти усилия, реальность сильно отличалась от заявлений официальной власти. С этого времени берет начало особенность советской пропаганды скрывать и замалчивать реальное положение вещей.

Косвенным доказательством, что 1922 год, как год окончания голода не соответствовал реальному положению являются документы Акмолинского областного архива. В Протоколах заседаний Акмолинского комитета Постпомгола есть документы, охватывающие работу комитета за 1924 г., т.е. несмотря на официальное объявление об окончании голода работа по его ликвидации на местах в частности в Казахстане продолжалась (ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45. Л. 56).

Деятельность зарубежных благотворительных и общественных организаций была свернута, большинство из них ликвидированы. Однако в реальности борьбу с голодом необходимо было продолжать именно поэтому принимается решение и создание новых государственных структур по борьбе с голодом, которые теперь назывались Комитета по ликвидации последствий голода. Она начала свою деятельность 15 октября 1922 года, а при губернских и уездных исполкомах создавались местные комиссии по борьбе с последствиями голода. Протокол № 35 Заседания Малого Президиума ВЦИК от

26 сентября 1922 г. рассмотрел вопрос «О роспуске центральной Комиссии помощи голодающим при КирЦИКе и местных органах» (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 111. Л. 15). В принятом Положении о местных комиссиях по борьбе с последствиями голода отмечается: «В силу п.8 Положения о ЦКПоследГОЛ при КЦИКе, утвержденного постановлением от 16 ноября 1922 г. по губерниям КССР: Оренбургской, Уральской, Кустанайской, Актюбинской, Букеевской, Акмолинской и Семипалатинской утверждаются губернские Комиссии по борьбе с последствиями голода при Губисполкомах /Губкомпоследгол/ и самостоятельных Адаевском и Тургайском уездах уездные Компоследгол на правах губернских» (АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 329. Л. 158). В официальной докладной «Помощь детям КССР за время с 15 октября 1922 г. по 1 июля 1923 года» отмечается, что «тяжелые последствия голодного года к осени 1922 года не были преодолены. Местный бюджет голодных губерний КССР к этому времени был еще слаб». В этом же архивном документе подчеркивается, что «положение детей настолько ухудшилось, что приходилось констатировать такие случаи, как например, Оренбургское уОНО не имело возможности обеспечить детей хлебом даже на один день. В других губерниях КССР дело с продовольствием обстоит еще хуже» (АП РК. Ф.139. Д. 359. Л. 45–50). Далее излагается просьба на 1923 год распространить деятельность заграничных организаций на Кирреспублику. С февраля 1923 г. «заграничные организации развернули свою деятельность в Оренбургской, Актюбинской, Уральской губерниях и с апреля месяца в Кустанайской и Букеевской губерниях (АП РК. Ф. 139. Д. 359. Л. 45–50).

Донесения 1923 г. в центр свидетельствуют о том, что хотя официально голод считался преодоленным, на деле «массового физического голодания в деревне нет, но имеется широкий слой крестьянства недоедающего, питающегося хлебом с примесью суррогатов, раскрывающего крышки на корм скоту». В сводках из Оренбургской губернии говорилось, что «ввиду недостатка семян крестьянство прибегает к продаже скота, пахотной земли и с/х инвентаря». Черта между обеспеченностью продуктами питания и их недостатком довольно условна. Советский голод был перманентным, то есть непрерывным, поэтому за цикличность можно воспринимать, скорее всею, незначительные паузы с неполной сытостью, что наблюдалось в короткие промежутки между голодными 1920-ми, 1930-ми, 1940-ми годами и балансированием на грани голода в ряду других лет XX (Поляков, 2003: 175).

В 1988 г историк В.П. Данилов в интервью сделал важное уточнение о продолжительности голодного бедствия: «В Поволжье, на Дону и Северном Кавказе, на Украине голодание деревни продолжалось и в 1923, и в 1924 годах» [Данилов, 1990: 90].

Ученый Герман А.А. на материалах немецкой автономии показал регионально-национальные особенности голодной трагедии, обобщив реальные данные он раздвинул рамки голода до конца 1924 года (Герман, 1992: 53).

Специфика продовольственной политики советской власти в Казахстане была обусловлена тем, что преимущественно скотоводческое направление хозяйства казахского аула повлекло изменение содержания продразверстки, а затем и продналога. В начале введения политики военного коммунизма – а это 20-е годы, поскольку в предыдущие годы на территории Казахстана полыхала гражданская война – вся территория Казахстана облагалась хлебной продразверсткой, однако для казахского населения это оказалось непосильной ношей, поскольку ресурсов в таком количестве, как того требовали нормы продразверстки, у них не было. Чтобы выполнить обязательные государственные поставки, казахи вынуждены были закупать хлеб в русских селах или соседних хлебосеющих регионах. Понимая это, советская власть выпускает специальный декрет, согласно которому обязательные поставки хлеба заменяются на такие же, только теперь распространяются на мясо. 23 марта 1920 года принят Декрет № 106 Совета Народных Комиссаров «Об обязательной поставке скота на мясо». Согласно декрету, обязательная поставка скота на мясо устанавливалась на всей территории республики в порядке разверстки между всеми хозяйствами, имеющими скот. Обязательная годовая поставка скота исчислялась из расчета 8% от общего количества в стаде крупного рогатого скота (в возрасте от 3 лет), по всему молодняку (от 1 до 3 лет) – 25 % наличного количества веса, 20 % свиней (в возрасте от 4 месяцев) (Собрание узаконений, 1944: 529). При этом размер обязательной поставки по отдельным губерниям устанавливал Народный комиссариат продовольствия, а в пределах губерний – его местные органы, и определялся он не счетом голов, а в пудах. Населению предоставлялось право замены одного вида скота другим. Как показывают архивные документы, такие нормы зачастую не соответствовали наличию скота у населения.

Помимо самой продразверстки, распространяющейся на широкий перечень изымаемых продуктов (хлеб, фураж, молочные продукты, овощи, домашняя птица, яйца, мясо, сырье, скот), обременительной и непосильной для крестьянства, особенное возмущение вызывали методы ее осуществления. При проведении продразверстки насильственные репрессивные меры санкционировались государством. Это давало широкие полномочия органам исполнительной власти на местах и порождало почву для их превышения. Такая постановка дел не только усугубляла состояние хозяйств и лишала крестьянство экономического стимула в развитии производства, но и вызывала недовольство в крестьянской среде. Разнообразные формы произвола со стороны советских, партийных и продовольственных работников, их злоупотребления и преступные действия достигли невиданных размеров.

По утверждению самих крестьян, партийно-советские функционеры по преступности действий и жестокости в деревне превзошли действия колчаковских карателей в предыдущий период. Примером может служить заявление Председателя Адаевского уездного революционного комитета № 395 в КирЦИК от 25 марта 1921 года «Член КирЦИКа и Адревкома т. Данилов по приезде в г. Форт-Александровский по неизвестной нам причине на население Адаевского уезда наложил на скот разверстку в количестве 20.000 баранов, крупного скота 40.000 и 12.000 пудов жира. Эту разверстку он наложил сам, без ведома нашего и не имея никаких сведений о количестве скота населения уезда. Эта разверстка на наше население является очень тяжелой, выполнить ее не в силах, она может расстроить скотоводческую жизнь нашего населения» (ЦГА РК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45. Л. 56).

Таким образом, в реальности объемы поставок от губерний, уездов, волостей, сел и отдельных хозяйств устанавливались произвольно, поскольку существовала негласная установка ориентироваться по обстоятельствам. Поэтому на местах могли по своему усмотрению менять нормы поставок. Кроме того, увеличение объема обложения по продразверстке было связано и с тем обстоятельством, что он определяется не счетом голов скота, а в пудах. Цифры брались самовольно, без учета количества имеющегося скота.

Через год в связи с объявлением курса новой экономической политики этот декрет был отменен и принят Декрет СНК «О натуральном мясном налоге» от 14 июня 1921 года № 281 (Сборник узаконений, 1944: 529–532). Данным декретом был введен натуральный мясной налог, который являлся дифференцированным для регионов, а некоторые регионы – Московская, Петроградская, Иваново-Вознесенская, Тульская, Калужская, Брянская губернии – полностью освобождались от мясного налога. Что касается Киргизской АССР, то в декрете она была выделена в отдельный пункт и разрядки по всем видам скота были максимальными: крупный рогатый скот – 12 фунтов мяса; по овцам – 4 фунта мяса; даже по свиньям, которых казахи не выращивали, была установлена норма в 15 фунтов мяса, также наивысшая. Новым пунктом было то, что поставка по налогу теперь должна была производиться не в пудах, как в предыдущем декрете, а живым скотом, не ниже средней упитанности. Скота у местного населения не осталось к 1922 г. В докладе по обследованию Джитыгульской волости Адамовского района проведенного членом коллегии Красного каравана Мардаровским даны следующие цифры, наглядно показывающие убыль скота у населения.

Таблица 1. Данные по числу скота на весну 1920 и 1922 гг.
[Table 1. Data on the number of livestock for the spring of 1920 and 1922]

Название скота	Было к весне 1920 года	Осталось к весне 1922 г.
Рогатый скот	12.000	1.000
Лошади	20.000	2.500
Бараны	13.000	2.000
Верблюды	400	120

Источник: АП РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 111. Л. 15

Таким образом, мясной налог касался в основном казахских районов.

Принятые законы стали началом процесса сокращения численности скота на всей территории Казахстана, который затем обернулся демографической катастрофой в годы коллективизации. 15 июля 1921 года вышел Декрет СНК «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об

обмене», в котором отмечалось, что не сдача плательщиком сырьевого налога карается лишением свободы с конфискацией имущества. Свободная продажа скота и мяса, перегон скота без специального разрешения из губернии в губернию запрещались. За невыполнение требований, изложенных в декрете, граждане могли быть лишены товаров, причитающихся в порядке распределения, скот – реквизирован с понижением его стоимости относительно твердых цен; могли быть произведены арест граждан и передача их суду Революционного трибунала (Собрание узаконений, 1944: 355).

Уже в осенью 1921 года в докладной записке Представительства Кирреспублики в Москве от 5 ноября за подписью Народного комиссара Просвещения К.С.С.Р Кенжина и уполномоченного КИРЦИКА А. Авдеева указывалось, что «катастрофа неурожая постигшая Кирреспублику с численностью населения в пяти голодающих губерниях и в одном отдаленном уезде около 4-х миллионов человек, наравне с другими областями РСФСР удваивается для Киргизии тем, что зимой 1920 года ее постигла другая катастрофа массового падежа скота, доведившая в некоторых местностях убыль скота до 95 %».

Под ударами этих двух катастроф хозяйственная жизнь Киргизии расшатана до основания. К тому же восстановить до прежнего уровня скотоводческое хозяйство за один-два года невозможно. Для возрождения поголовья скота необходимо время, и это не один год.

В результате продовольственной политики советской власти, которая бездумно уничтожала главное богатство кочевника – скот, «мясная разверстка», «гужевая повинность» привели к реквизиции огромного количества лошадей, баранов, оставляя население окончательно разоренным.

Для казахского населения продовольственная политика советской власти в начале 20-х годов означала дальнейшее разорение скотоводческих хозяйств и массовое сокращение поголовья, которое в последующем в годы коллективизации приведет к этноциду именно казахского населения вследствие уничтожения кочевого скотоводства как способа хозяйствования и массовой сегрегации.

Заключение

Таким образом, вышеперечисленные архивные документы подтверждают выводы авторов о том, что хронологические рамки голода должны быть определены 1921–1923 гг. Даже и эти рамки не отражают реальную картину, поскольку в 1924 г. в Акмолинске вновь разразился голод, создаются комитеты помощи голодающим, проводятся региональные совещания по проведению экстренных мероприятий в помощь населению. Территориальные рамки охватывают не только западные регионы, но и северные и центральные районы.

Особенностью голода 20-х годов было то, что он единственный получивший широкую международную огласку и такую же широкую международную поддержку, что во многом объяснялось слабостью новой власти, истощенностью ресурсов государства, которое было не в силах справиться своими силами с наступившим бедствием. Большинство очевидцев единодушно признавали голод 20-х годов – крупнейшей гуманитарной катастрофой Новейшего времени в Европе.

Все возникшие на волне стремления оказать помощь голодающему населению Российской республики общественные организации и комитеты помощи голодающим начали закрываться, поскольку неспособность государства справиться с трагическими явлениями, конечно, является уроном для его международного престижа, и поэтому советское правительство всячески стремилось как бы показать, что с голодом справились в течение одного года, и уже к 1922 году, например, были ликвидированы все организации Помгол, более того – свернута зарубежная помощь.

Тот факт, что ликвидированные и закрытые зарубежные благотворительные и общественные организации были заменены советскими структурами, которые теперь назывались Комитетами ликвидации последствий голода (Послепомгол) показывает, что борьба с голодом продолжалась.

Причиной заставившей советскую власть так быстро свернуть их деятельность несколько. Во-первых, конечно, международный престиж, и желание продемонстрировать силу и прочность своего положения. Показать, что большевики сами в состоянии совладать с гуманитарной катастрофой разразившейся в стране. Другой причиной было опасение, что все эти организации помимо гуманитарных целей преследуют и политические. Хотя в реальности невозможно было так быстро справиться со столь масштабным явлением, как голод 20-х годов, самым масштабным в истории Европы начала XX века.

Источники

АП РК — Архив Президента РК
 РГАНИ — Российский Государственный Архив новейшей истории
 СКГА — Северо-Казахстанский Государственный архив
 ЦГА РК — Центральный Государственный Архив РК

Sources

AP RK — Archive of the President of the Republic of Kazakhstan
 RGANI — Russian State Archive of Recent History
 SKGA — North Kazakhstan State Archive
 CSA RK — Central State Archive of the RK

References

- Asanova, 2022 — *Asanova S.A.* «Desovetizatsiya natsional'noy istorii: na primere izucheniya istorii goloda 1921–1922 gg. v Kazakhstane [Desovetization of national history: by the example of studying the history of the famine of 1921–1922 in Kazakhstan]. Bulletin of the I. Arabaev KSU. 2022. No. 3. Pp. 345–351; DOI: <https://doi.org/10.33514/1694-7851-2022-3-345-351>. (In Russ.)
- German, 1992 — *German A.A.* Nemetskaya avtonomiya na Volge. 198–1941. Ch. 1. Avtonomnaya oblast' 1918–1924 [German autonomy on the Volga. 198–1941. Part 1. Autonomous region 1918–1924]. Saratov: Saratov University Publishing House, 1992. Pp. 53, 66. (In Russ.)
- Grivennaya, 2022 — *Grivennaya L.A.* Vosstaniya i golod 1921–1922 gg. v Kazakhstane: politicheskaya i sotsial'naya reaktsiya na antinarodnyuyu politiku bol'shevistskoy vlasti [Uprisings and famine 1921–1922 in Kazakhstan: political and social reaction to the anti-people policy of the Bolshevik government]. Otan tarikhy. No. 3. 2022. (In Russ.)
- Danilov, 1990 — *Danilov V.* Agrarnaya politika RKP(b) – VKP(b) v 20–30-kh godakh [Agrarian policy of the RCP(b) – the CPSU (b) in the 20–30s]. Ocherki istoriii KPSS: kontseptsiya, podkhody, kontury. Kommunist, 1990. No. 16. 90 p. (In Russ.)
- Golod v Kazakhstane ..., 2021 — *Golod v Kazakhstane 1921–1923*. Sbornik dokumentov i materialov [Famine in Kazakhstan 1921–1923. Collection of documents and materials]. Comp.: Shildebay S.K., Tolonova Z.M., Karatayeva G.M., Orazov R.Ye. Almaty: Almaty-Bolashak, 2021. (In Russ.)
- Kapayeva, 2021 — *Kapayeva A.T.* Prodovol'stvennaya politika sovetskoj vlasti v Kazakhstane v usloviyakh «voyennogo kommunizma» [The food policy of the Soviet government in Kazakhstan in the conditions of «war communism»] // Electronic scientific journal «edu.e-history.kz». No. 3(27). 2021. DOI: https://doi.org/10.51943/2710_3994_2021_3_1 (In Russ.)
- Kozybayeva, Murzakhodzhaev, 2023 — *Kozybayeva M.M., Murzakhodzhaev K.* Demograficheskiye posledstviya goloda 1921–1922 gg. v Kazakhstane [Demographic consequences of the famine of 1921–1922 in Kazakhstan]. Otan tarikhy. No. 2. 2023. DOI: https://doi.org/10.51943/1814-6961_2023_2_361 (In Russ.)
- Kudaybergenova et al., 2022 — *Kudaybergenova A.I., Kozina V.V., Dzhumabekov D.A., Zhumanova A.Z., Kentbek S.K.* Golod v Tsentral'nom Kazakhstane v nachale XX veka i yego sotsial'no-demograficheskiye posledstviya [Famine in Central Kazakhstan at the beginning of the XX century and its socio-demographic consequences] // Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya». 2022. No. 2(106). Pp. 221–232. DOI: <https://doi.org/10.31489/2022HPh2/221-232> (In Russ.)
- Musayev, 2006 — *Musayev A.B.* Golod v Kazakhstane 1921–1922 gg. i likvidatsiya yego posledstviy [Famine in Kazakhstan 1921–1922 and elimination of its consequences]. Aktobe: Print-A, 2006. 190 p. (In Russ.)
- Polyakov, 2003 — *Polyakov V.A.* K voprosu o khronologicheskikh ramkakh pervogo sovetskogo goloda: na materialakh Povolzh'ya. 2002 g. [On the question of the chronological framework of the first Soviet famine: on the materials of the Volga region] // Istoricheskoye i etnokul'turnoye razvitiye Nizhnego Povolzh'ya. 2002 g. Volgograd: "Litera" LLC, 2003. Pp. 172–178. (In Russ.)
- Smagulova, 2019 — *Smagulova S.* Asharshylyk kasireti [The tragedy of famine]. Almaty: Eltany, 2019. 240 p. (In Kaz.)

Sobraniye uzakoneniy, 1944 — *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1921 g.* [Collection of laws and orders of the Government for 1921]. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR, 1944. Pp. 529–532. (In Russ.)

Zubov, 2016 — *Zubov A.B. Istoriya Rossii XX vek. Tom 1. Kak Rossiya shla k XX веку. Ot nachala tsarstvovaniya Nikolaya II do kontsa Grazhdanskoy voyny (1894–1922)* [The history of Russia of the twentieth century. Vol. 1. How Russia was moving towards the twentieth century. From the beginning of the reign of Nicholas II to the end of the Civil War (1894–1922)]. Moscow: Eksmo, 2016. 976 p. (In Russ.)

Литература

Асанова, 2022 — *Асанова С.А. Десоветизация национальной истории: на примере изучения истории голода 1921–1922 гг. в Казахстане* // Вестник КГУ им. И. Арабаева, 2022. № 3. С. 345–351. DOI: <https://doi.org/10.33514/1694-7851-2022-3-345-351>.

Герман, 1992 — *Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 198–1941. Ч. 1. Автономная область 1918–1924.* Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. С. 53, 66.

Гривенная, 2022 — *Гривенная Л.А. Восстания и голод 1921–1922 гг. в Казахстане: политическая и социальная реакция на антинародную политику большевистской власти.* Отан тарихы. № 3. 2022.

Данилов, 1990 — *Данилов В. Аграрная политика РКП(б) – ВКП(б) в 20–30-х годах. Очерки истории КПСС: концепция, подходы, контуры* // Коммунист. 1990. № 16. С. 90.

Зубов, 2016 — *Зубов А.Б. История России XX век. Том 1. Как Россия шла к XX веку. От начала царствования Николая II до конца Гражданской войны (1894–1922).* М.: Эксмо, 2016. 976 с. Голод в Казахстане ..., 2021 — *Голод в Казахстане 1921–1923 Сб. документов и материалов /Сост.: Шилдебай С.К., Толенова З.М., Каратаева Г.М., Оразов Р.Е. Алматы: Алматы-Болашак, 2021. 652 с.*

Капаева, 2021 — *Капаева А.Т. Продовольственная политика советской власти в Казахстане в условиях «военного коммунизма».* Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2021. № 3(27). DOI: https://doi.org/10.51943/2710_3994_2021_3_1

Козыбаева, Мурзаходжаев, 2023 — *Козыбаева М.М., Мурзаходжаев К. Демографические последствия голода 1921–1922 гг. в Казахстане* // Отан тарихы. № 2. 2023. DOI: https://doi.org/10.51943/1814-6961_2023_2_361

Кудайбергенова и др., 2022 — *Кудайбергенова А.И., Козина В.В., Джумабеков Д.А., Жуманова А.З., Кентбек С.К. Голод в Центральном Казахстане в начале XX века и его социально-демографические последствия* // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия», 2022. № 2(106). С. 221–232. DOI: <https://doi.org/10.31489/2022HPh2/221-232>

Мусаев, 2006 — *Мусаев А.Б. Голод в Казахстане 1921–1922 гг. и ликвидация его последствий.* Актобе: Принт-А, 2006. 190 с.

Поляков, 2003 — *Поляков В.А. К вопросу о хронологических рамках первого советского голода: на материалах Поволжья* // Историческое и этнокультурное развитие Нижнего Поволжья. 2002 г. Волгоград: ООО «Литера», 2003. С. 172–178.

Смагулова, 2019 — *Смагулова С. Ашаршылық қасіреті.* Алматы: Елтаным, 2019. 240 б. Собрание узаконений — *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г.* М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1944. С. 529–532.

МАЗМҰНЫ

ТЕОРИЯ ЖӘНЕ ӘДІСНАМА

Абылхожин Ж.Б. 1920 ЖЫЛДАРДАҒЫ АУЫЛДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ТАРИХЫНЫҢ КЕЙБІР МӘСЕЛЕЛЕРІН ЗЕРТТЕУДЕГІ КЕҢЕСТІК ӘДІСНАМАНЫҢ ЭТАЛОНДЫҚ-НОРМАТИВТІК СТЕРЕОТИПТЕРІНЕ СЫНИ ТАЛДАУ.....	424
Андреев С.Н. КЕҢЕСТІК ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ОРЫС ТАРИХНАМАСЫНДАҒЫ 1954 Ж. ТЫҢ НАУҚАН.....	439
Панто Д., Калыбекова М. ХАЛЫҚТАРДЫ КҮШПЕН ДЕПОРТАЦИЯЛАУ КСРО ҰЛТТЫҚ САЯСАТЫНЫҢ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ: ҚАЗАҚСТАННЫҢ ПОЛЯКТАРЫ.....	453

ТАРИХ

Алпысбес М.А., Алеушинов Ф.Т. ЕДИГЕ БИДІҢ ҰЛЫҚ ҰЛЫС (АЛТЫН ОРДА) ТАРИХЫНДАҒЫ ОРНЫ.....	464
Берлібаев Е.Т., Шамшиденова Ф.М., Жұбанышов Б.Т. XX ҒАСЫРДЫҢ 20-40 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ АСТЫҚ, ЕТ ЖИНАУ НАУҚАНЫНЫҢ ЗАРДАПТАРЫ.....	479
Гиде ван Каппель ПОЛ АНРИ САПАК СОҒЫС АРАСЫНДАҒЫ КЕЗЕҢ: ҰЛТШЫЛЫҚ МЕН ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ АРАСЫНДА.....	495
Ерменбаева Г.К., Нұрбаев Ж.Е., Сұлтанғазы Г.Ж. XIX ҒАСЫРДАҒЫ ОРЫНБОР ӨЛКЕСІНДЕГІ САЛЫҚТАР МЕН АЛЫМДАРДЫ ӨНДІРІП АЛУ ЖҮЙЕСІ.....	504
Капаева А.Т., Асанова С.А. ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1921-1922 ЖЫЛДАРДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ: ЗЕРТТЕУ НЫСАНЫН КЕҢЕЙТУ.....	519
Қозыбаева М.М. 1920 ЖЫЛДЫҢ БАСЫНДА ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ АШТЫҚҚА ҚАРСЫ КҮРЕСКЕН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҰЙЫМДАР.....	532
Ноғайбаева М.С. АЛТЫН ОРДАДАҒЫ ЭТНИКАЛЫҚ ҮДЕРІСТЕР.....	543
Сандыбаева А., Динашева Л., Тастанбеков М. ТҮРКІСТАН ҚАЛАСЫНЫҢ XIX ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫ – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ӘЛЕУМЕТТІК-ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҒДАЙЫ.....	556
Стамшалов Е.И. XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОҢТҮСТІК-ШЫҒЫС Өңіріндегі қарулы босқыншылық: себеп-салдары.....	570
Түрсүн Х., Хакан Ас «АҚ ПАТША» РӘМІЗІ ЖӘНЕ РОМАНОВ ӘУЛЕТІ БИЛІГІНІҢ 300 ЖЫЛДЫҒЫ ҰЛТТЫҚ БАСПАСӨЗДЕ.....	585
Уалтаева А.С., Апендиев Т.А., Марғұлан А. XX ҒАСЫРДЫҢ 20–30 ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚАЛА ХАЛҚЫНЫҢ РЕТРОСПЕКТИВАСЫ.....	599

АНТРОПОЛОГИЯ

Буранбаев Р.Н., Камалдинов И.Р. 2022 ЖЫЛЫНДА АСПАРА ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕРДІҢ КЕЙБІР НӘТИЖЕЛЕРІ.....	611
Жалаледин Ш.А. ТОРҒАЙ ДАЛАСЫНЫҢ СӘУЛЕТТІК МҰРАСЫ (1980 ЖӘНЕ 2001 ЖЖ. ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР НӘТИЖЕСІНДЕ).....	626

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИИ

Абылхожин Ж.Б. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТАЛОННО-НОРМАТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ СОВЕТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ НЕКОТОРЫХ ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АУЛА 1920-Х ГГ.....	424
Андреев С.Н. ЦЕЛИННАЯ КАМПАНИЯ 1954 Г. В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	439
Панто Д., Калыбекова М. НАСИЛЬСТВЕННАЯ ДЕПОРТАЦИЯ НАРОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СССР: ПОЛЯКИ КАЗАХСТАНА.....	453

ИСТОРИЯ

Алпысбес М.А., Алеушинов Ф.Т. РОЛЬ ЕДИГЕ БИ В ИСТОРИИ УЛУГ УЛУСА (ЗОЛОТОЙ ОРДЫ).....	464
Берлибаев Е.Т., Шамшиденова Ф.М., Жубанышов Б.Т. ПОСЛЕДСТВИЯ ЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ЗЕРНА, МЯСА В 20-40-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА.....	479
Гиде ван Каппель ПОЛЬ АНРИ СПААК В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД: МЕЖДУ НАЦИОНАЛИЗМОМ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОМ.....	495
Ерменбаева Г.К., Нурбаев Ж.Е., Султангазы Г.Ж. СИСТЕМА ВЗЫСКАНИЙ НАЛОГОВ И СБОРОВ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ В XIX ВЕКЕ.....	504
Капаева А.Т., Асанова С.А. ГОЛОД 1921–1923 ГОДОВ В КАЗАХСТАНЕ: РАСШИРЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО РАКУРСА.....	519
Козыбаева М.М. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ В КАЗАХСТАНЕ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.....	532
Ногайбаева М.С. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ.....	543
Сандыбаева А., Динашева Л., Тастанбеков М. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА ТУРКЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ ХХ ВВ.....	556
Стамшалов Е.И. ВООРУЖЕННОЕ БЕЖЕНСТВО В ЮГО-ВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ КАЗАХСТАНА В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ.....	570
Турсун Х., Хакан Ас СИМВОЛ «БЕЛОГО ЦАРЯ» И 300-ЛЕТНИЕ ПРАВЛЕНИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ.....	585
Уалтаева А.С., Апендиев Т.А., Маргулан А. РЕТРОСПЕКТИВА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В 20–30-Е ГОДЫ ХХ ВЕКА.....	599

АНТРОПОЛОГИЯ

Буранбаев Р.Н., Камалдинов И.Р. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ГОРОДИЩЕ АСПАРА В 2022 Г.....	611
Жалаледин Ш.А. НАСЛЕДИЕ СТЕПНОГО ЗОДЧЕСТВА ТОРГАЙСКОЙ СТЕПИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1980 И 2001 ГГ.).....	626

CONTENTS

THEORY OF METHODOLOGY

Abylkhozhin Zh.B.

CRITICAL ANALYSIS OF THE REFERENCE AND NORMATIVE STEREOTYPES
OF THE SOVIET METHODOLOGY IN THE STUDY OF SOME ISSUES OF AUL SOCIO-ECONOMIC
HISTORY IN THE 1920S.....424

Andrenkov S.N.

THE 1954 VIRGIN LANDS CAMPAIGN IN THE SOVIET
AND MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPH.....439

Panto D., Kalybekova M.

FORCED DEPORTATION OF PEOPLES AS A TOOL OF THE NATIONAL POLITICS OF THE USSR:
POLES OF KAZAKHSTAN.....453

HISTORY

Alpysbes M.A., Aleushinov F.T.

THE ROLE OF EDIGE BI IN THE HISTORY OF THE ULUG ULUS (THE GOLDEN HORDE).....464

Berlibaev E., Zhubanyshov B., Shamshidenova F.

CONSEQUENCES OF THE GRAIN AND MEAT PROCUREMENT CAMPAIGN
IN THE 1920S-1940S.....479

Gide Van Cappe

PAUL HENRI SPAAK IN THE INTERBELLUM:
BETWEEN NATIONALISM AND INTERNATIONALISM.....495

Yermenbayeva G.K., Nurbayev Zh.Ye., Sultangazy G.Zh.

THE SYSTEM OF COLLECTING TAXES AND FEES IN THE ORENBURG REGION
IN THE 19TH CENTURY.....504

Kapayeva A.T., Asanova S.A.

THE FAMINE OF 1921–1922 IN KAZAKHSTAN: EXPANDING THE RESEARCH PERSPECTIVE.....519

Kozybayeva M.M.

INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE FIGHT AGAINST FAMINE IN KAZAKHSTAN
IN THE EARLY 1920S.....532

Nogaibaeva M.S.

ETHNIC PROCESSES IN THE GOLDEN HORDE.....543

Sandybayeva A., Dinasheva L., Tastanbekov M.

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE CITY OF TURKESTAN
(SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES).....556

Stamshalov Y.I.

ARMED REFUGEES IN THE SOUTH-EASTERN REGION OF KAZAKHSTAN IN THE 1930S:
CAUSE AND EFFECT.....570

Tursun Kh., Khakan As

THE SYMBOL OF THE "WHITE TSAR" AND THE 300TH ANNIVERSARY OF THE REIGN
OF THE ROMANOV DYNASTY IN THE NATIONAL PRESS.....585

Ualtayeva A.S., Apendiyev T.A., Margulan A.

RETROSPECTIVE OF THE URBAN POPULATION OF KAZAKHSTAN IN THE 1920S AND 1930S.....599

ANTHROPOLOGY

Buranbayev R.N., Kamaldinov I.R.

SOME RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT THE ASPARA SETTLEMENT IN 2022.....611

Jalaledin Sh.A.

THE LEGACY OF THE STEPPE ARCHITECTURE OF THE TORGAI STEPPE (BASED ON THE RESULTS
OF FIELD STUDIES IN 1980 AND 2001).....626

EDU.E-HISTORY.KZ

электрондық ғылыми

журналы 2023. 10(3)

Бас редактор:
Қабылдинов З.Е.

Компьютерде беттеген:
Зикирбаева В.С.

Жарияланған күні: 28.09.2023.
Пішімі 70x100/16. Баспа табағы 26,6.

Құрылтайшысы және баспагері:
Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі
Ғылым комитеті Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМҚ

Редакция мен баспаның мекен-жайы:
050010, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй
ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты ШЖҚ РМҚ
Тел.: +7 (727) 261-67-19, +7 (727) 272-47-59

Е-mail: edu.history@bk.ru
Журнал сайты: <https://edu.e-history.kz>

Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТжЭИ басылған:
050010 Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Шевченко көш., 28-үй